

СКИТСКИЙ ПАТЕРИК

О СТЯЖАНИИ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ

Сборник

**Скитский патерик о стяжании
евангельских добродетелей**

«Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви»

2001

Сборник

Скитский патерик о стяжании евангельских добродетелей /
Сборник — «Московское Троицкое Подворье Свято-Троицкой
Сергиевой Лавры Русской Православной Церкви», 2001

ISBN 978-5-7789-0125-9

В этой книге изложены обязанности христианина, данные нам и Нагорной проповеди Господом и Богом нашим Иисусом Христом (см.: Мф. 5–7), а также некоторые изречения и дела снятых и блаженных отцов Христовой Церкви, живших в IV–V веках преимущественно в странах Египта, показывающие, как они понимали и исполняли обязанности христианина. Да соревнуют святым отцам, учатся у них и подражают им стремящиеся наследовать Царство Небесное.

ISBN 978-5-7789-0125-9

© Сборник, 2001
© Московское Троицкое Подворье
Свято-Троицкой Сергиевой Лавры
Русской Православной Церкви, 2001

Содержание

Благочестивому читателю	6
Будь нищим духом	10
Конец ознакомительного фрагмента.	18

**Скитский патерик. О стяжании
евангельских добродетелей. Сказания
об изречениях и делах святых и
блаженных отцов Христовой Церкви**

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

Текст печатается по изданию: Скитский патерик. Сказания об изречениях и делах святых и блаженных отцов, избранные из Скитского патерика. М., 1875.

Благочестивому читателю

Хочешь ли я покажу тебе одетых в брачную одежду? Припомни святых, облеченных в власяницы, живущих в пустынях. Они-то носят брачные одежды. Ты увидишь, что они не согласятся взять порфиры, если будешь давать им. И это потому, что знают красоту своей одежды. Если бы ты мог отворить двери сердца их и увидеть душу их и всю красоту внутреннюю, ты упал бы на землю, не вынес бы сияния красоты, светлости тех одежд и блеска их совести...

Они убегают городов и общественных собраний, потому что воюющему не годится сидеть в доме, но должно жить в таком жилище, которое легко оставить; они, если нужно, оставляют его, как воины оставляют лагерь во время мира. Но приятнее видеть пустыню, усеянную хижинами монашескими, нежели стан воинов, раскидывающих в поле шатры. В палатках воинов Христовых мы не увидим ни растянутых покровов, ни острых копий, ни золотых тканей, покрывающих палатку царскую. Но если бы кто простер на земле, которая обширнее и неизмеримее нашей, многие небеса, тот представил бы подобное жилищам иноков. Ибо их обитель ничем не хуже небес, потому что к ним сходят Ангелы, даже Сам Господь Ангелов. Сии подвижники, как воины, живут в шатрах не с копьями, не со щитами и бронями, и, однако ж, они совершают такие подвиги, каких те и с оружием произвести не могут. Они каждый день сражаются и побеждают все восстающие на них похоти. Одним хотением они побеждают врагов, которыми воины побеждаются. Пьянство и пресыщение побеждено у них питьем воды и лежит повержено и мертво. А это – многовидный и многоглавый зверь... В воинстве духовном каждый воин одерживает победу. Кто сам не нанес врагу смертоносного удара, того он не перестает беспокоить всячески. Каждый из сих воинов воздвигает такие трофеи, каких не могут воздвигнуть воинства, собранные со всех концов вселенной. Они отринули от себя все беспорядочное и безрассудное – безумные слова, неистовые и отвратительные болезни, кичение и все, чем вооружается против человека пьянство. Они употребляют пищу не для пресыщения и наслаждения, но для удовлетворения естественной потребности... Они довольствуются хлебом и водою. Смятение, шум и беспокойство совершенно от них изгнаны, и как в жилищах их, так и в теле великая тишина. И не только над сладострастием одержали победу святые мужи, но и над любостыжанием, славолубием, завистью и вообще над всеми болезнями душевными. Итак, трапеза сих воинов не лучше ли трапезы воинов царя земного? Трапеза мужей святых возводит на небо; ее приготовляет Христос; правила для нее дает любомудрие и целомудрие. Пустынножители не женятся, не посягают иметь много, не предаются изнеженности, но, кроме самых неизбежных нужд для существования телесного, живут как бестелесные. Трапеза их готовится праведными трудами; будучи свободна, не позволяет собеседникам говорить ничего срамного; ищет пользы своих соучастников; не попускает оскорбить Бога. Нет у иноков никаких возмущений душевных, нет ни болезней, ни гнева: все тихо, все мирно, везде великая тишина, великое безмолвие. Постелью инокам служит трава: многие спят, не имея крова – небо служит им вместо крова, и луна вместо светильника. У них нет господина и раба: все – рабы и все – свободные. Они – рабы друг другу и владыки друг над другом. С наступлением вечера им не о чем сокрушаться, не нужно запираť дверь, бояться разбойников. Разговор их исполнен такого же спокойствия. Они всегда разговаривают и любомудрствуют о будущем, и как бы не здешние, как бы переселившиеся на небо и там живущие, всегда рассуждают о небесном, а об настоящем нет ни помина, ни слова. Они говорят о Небесном Царстве, о настоящей брани и кознях диавола, о великих подвигах, совершенных святыми.

Хотите ли, пойти в град добродетели, в селения святых, то есть в горы и леса? Там-то мы и увидим высоту смиренномудрия. Там люди, блиставшие прежде мирскими почестями или славившиеся богатством, теперь стесняют себя во всем: не имеют ни хороших одежд, ни

удобных жилищ, ни прислуги и во всей жизни явственными чертами изображают смирение. Все, что способствует к возбуждению гордости, удалено отсюда. Сами они разводят огонь, сами колют дрова, сами варят пищу, сами служат приходящим. Там все слуги, каждый омывает ноги странников и один перед другим старается оказывать им услуги; не разбирают они, кто к ним пришел, раб или свободный, но делают это для всех равно; нет там ни больших, ни малых. Хотя и есть там низшие, но высший не смотрит на это, а почитает себя ниже их, и чрез то делается большим. У всех один стол, как у пользующихся услугами, так и у служащих им: у всех одинаковая пища, одинаковая одежда, одинаковое жилище, одинаковый образ жизни. Большой там тот, кто предупреждает другого в отправлении самых низких работ. Там не говорят: это – мое, это – твое. Оттуда изгнаны слова сии, служащие причиной бесчисленного множества распрей. И чему дивиться, что у пустынных один образ жизни, одинаковая пища и одежда, когда у них и душа одна, не по природе только, но и по любви, а любовь может ли возгордиться сама пред собою? Там нет ни бедности, ни богатства, ни славы, ни бесчестия. Хотя и есть там низшие и высшие по добродетели, но никто не смотрит на свое превосходство: низших там не оскорбляют презрением, ибо там никто не унижает других. А если бы их кто унижал, они тем более научаются переносить презрение, поругание и унижение – и в словах и в делах. Любят обращаться с нищими и увечными, и за столом их много таких гостей, а потому-то они и достойны неба. Один врачует раны недужного, другой водит слепого, иной носит безногого. Нет там толпы льстецов и туенядцев; там даже не знают, что такое лесть... Все усилия употребляют на то, чтобы не иметь первенства, но быть в унижении... Впрочем, и самые их занятия приводят их к смирению. Ибо, скажи мне, кто, занимаясь копанием земли, поливанием и насаждением растений, плетением корзин и вязанием власяниц, будет высоко думать о себе? Кто, живя в бедности и борясь с голодом, подвергается сему недугу? Как в мире трудно соблюсти скромность, по причине множества рукоплещущих и удивляющихся, так в пустыне это весьма удобно. Отшельника занимает собою только пустыня; он видит летающих птиц, колеблемые веянием ветерка древа, потоки, быстро текущие по долинам. Итак, что может возбудить к гордости человека, живущего среди такой пустыни?

Между монашеской и мирской жизнью такое же различие, какое находится между пристанью и морем, непрестанно волнуемым ветрами. Смотри – самые жилища монахов предвещают о их благоденствии: избегая рынков и городов, и народного шума, они предпочли жизнь в горах, которая не имеет ничего общего с настоящей жизнью, не подвержена никаким человеческим превратностям, ни печали житейской, ни горестям, ни большим заботам, ни опасностям, ни коварству, ни ненависти, ни зависти, ни порочной любви, ни всему тому подобному. Здесь они размышляют только уже о Царствии Небесном, беседуя в безмолвии и глубокой тишине с лесами, горами, источниками, а паче всего с Богом. Жилища их чужды всякого шума. Душа, свободная от всех страстей, тонка, легка и чище всякого тонкого воздуха. Занятия у них такие же, какие были вначале и до падения у Адама, когда облеченный славою, дерзновенно беседовал с Богом и обитал в блаженном рае. И в самом деле, жизнь монахов – чем хуже жизни Адама, когда он, до преступления, введен был в рай возделывать его? Адам не имел никаких житейских забот – нет их и у монахов. Адам чистою совестью беседовал с Богом; так и монахи – даже больше, чем Адам, имеют дерзновения, так как больше имеют в себе благодати по дару Духа Святаго.

В мире свирепствует буря, а отшельники сидят в пристани спокойно и в великой безопасности, смотря, как бы с неба, на кораблекрушения, постигающие других. Они и жизнь избрали, достойную неба, и живут не хуже Ангелов. Как между Ангелами нет того, чтобы одни благоденствовали, а другие терпели крайние бедствия, но все одинаково наслаждаются миром и радостью, и славою: так и здесь никто не жалуется на бедность, никто не превозносится богатством; своекорыстие изгнано отсюда; все у них общее: и трапеза, и жилище, и одежда. И что удивительного в этом, когда у них и самая душа одна и та же? Все они благородны одинаковым

благородством, рабы – одинаковым рабством, свободны – одинаковою свободою. Там у всех одно богатство – истинное богатство; одна слава – истинная слава, потому что блага у них не в именах, а в делах; одна радость, одно стремление, одна надежда у всех. Все у них устроено как бы по какому правилу и мере, и нет ни в чем неправильности, но во всем порядок, стройность и гармония – самое точное согласие и прочное основание для всегдашнего благодушия...

Опишу хотя одну часть образа их жизни, ибо всей их жизни описать невозможно. Сии светильники мира, едва начинает восходить солнце или еще до рассвета, встают с ложа здоровы, бодры и свежи. Ибо их не возмущает ни печаль, ни забота, ни головная тяжесть, ни множество дел; но они живут как Ангелы на небе. Итак, встав с ложа бодрые и веселые, они со светлым лицом и чистою совестью составляют вместе один лик и как бы едиными устами поют гимны Богу всяческих, прославляя и благодаря Его за все благодеяния как частные, так и общие. Спрошу вас: «Чем различествует от Ангелов сей лик на земле поющих и восклицающих: слава в вышних Богу, и на земли мир, во человецех благоволение (Лк. 2, 14)?». И одежда у них соответствует их мужеству. Одежды их приготовлены, как у блаженных оных Ангелов – Илии, Елисея, Иоанна, у одних из козьей, у других из верблюжьей шерсти, а некоторым довольно одной кожи, и то ветхой. Потом, пропевши свои песни с коленопреклонением, прославленного ими Бога призывают на помощь в таких делах, которые другим не скоро бы и пришли на ум. Они не просят ни о чем настоящем; у них не бывало об этом и слова; но просят о том, чтобы им с дерзновением стать пред страшным престолом, когда Единородный Сын Божий придет судить живых и мертвых, чтобы никому из них не услышать сего страшного гласа: не вем вас – и чтобы в чистоте совести и обилии добрых дел совершить сию трудную жизнь и благополучно переплыть сие бурное море. Потом, как, вставши, окончат сии священные и непрестанные молитвы, с восходом солнечным идет каждый к своему делу, и трудами многое приобретает для бедных. Монахи не только когда поют и молятся, но и когда сидят за книгами, доставляют зрителям приятное зрелище. Когда пение кончится, один берет Исаию, другой беседует с апостолами, третий читает книги других писателей и любознательствует о Боге, о мире, о предметах видимых и невидимых, чувственных и духовных, о ничтожности жизни настоящей и о величии жизни будущей. Они питаются словом Божиим, сладчайшим меда и сота (Пс. 18, 11). Это чудный мед, и гораздо лучше того, каким некогда Иоанн питался в пустыне. Ибо не дикие пчелы, садясь на цветы, собирают сей мед, но приготовляет оный благодать Святаго Духа и, вместо сотов, ульев и дупла, полагает в душах святых. Подобно пчелам, они облетают соты священных книг, почерпая в них великое удовольствие. Принимая такую пищу, уста их не могут произнести ни одного дурного слова, ни одного шуточного или грубого, но каждое достойно неба... Таково их настоящее состояние. А будущее – какое слово может выразить? Какой ум – постигнуть?..

Приди и учись у иноков. Это – светильники, сияющие по всей земле: стены, коими ограждаются и поддерживаются самые города. Они для того удалились в пустыню, чтобы научить и тебя презирать суету мирскую. Они, как мужи крепкие, могут наслаждаться тишиной и среди бури; а тебе, обуреваемому со всех сторон, нужно успокоиться и хотя мало отдохнуть от непрестанного прилива волн. Итак, ходи к ним чаще, дабы, очистившись их молитвами и наставлениями от непрестанно приражающихся к тебе скверн, ты мог и настоящую жизнь провести сколько можно лучше и сподобиться будущих благ... Как тот, кто взойдет на высокое место, хотя бы и очень мал был, кажется большим, так и те, восходя в беседах к высоким помыслам праведных, и сами кажутся такими же, пока с ними пребывают.

Монах и бедным и богатым дает дары, он равно щедр для обоих. Хотя целый год носит одну одежду и охотнее пьет воду, нежели вино, но не просит для себя ни большой, ни малой милости от богачей, но для бедных он испрашивает многих постоянных милостей, полезных как для дающих, так и для получающих. Таким образом, он является общим врачом и для богатого, и для бедного, одного освобождая от грехов добрым наставлением, другого избавляя от нужды. Он раздает дары Духа, освобождает молитвою души, угнетенные тиранством демо-

нов. К ним прибегают и цари в своих нуждах, прося их молитв. Монах носит залог спасения в своей воле, в своей ревности, в своем расположении, по слову Писания: Царствие Божие внутри вас есть (Лк. 17, 21). Смерть для него не страшна; ибо для того, кто презирает богатства, удовольствия и радости, не тяжело разлучиться с этим миром.

Святитель Иоанн Златоуст.

Из бесед на Евангелие от Матфея

Будь нищим духом

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.
Мф. 5, 3

Стяжи смиренномудрие, самоуничужение, страх Божий и молитвенное настроение духа.

Не думай о себе, что ты имеешь что-либо доброе в себе или что делаешь что-либо доброе от себя, но сознавай и чувствуй, как и есть на деле, что у тебя нет ничего своего, кроме греха.

Авва Иоанн из Келлий говорил: «Должно прежде всего стяжать смиренномудрие, ибо это есть первая заповедь Спасителя. Блаженны нищие духом, – говорил Он, – яко тех есть Царствие Небесное (Мф. 5, 3)».

Авва Ор говорил: «Венец христианина есть смиренномудрие».

Авва Исидор Пелусиот говорил: «Велика высота смиренномудрия и глубоко падение высокоумия».

Авва Антоний говорил: «Видел я однажды все сети врага, распростертые по земле, и со вздохом сказал: “Кто же избегнет их?” Но услышал глас, говорящий мне:

“Смиренномудрие”».

Однажды демон напал на авву Макария с небольшим мечом и хотел отсечь ему ногу.

Но по причине смирения аввы не мог сделать сего и сказал ему: «Все, что имеете вы, имеем и мы; одним только смиренномудрием отличаетесь от нас и побеждаете».

Брат спросил авву Сисоя Петрейского о наставлении, которое дал ему авва Сисой Фивейский. Старец отвечал ему: «Грешником я засыпаю, грешником и пробуждаюсь».

Авва Матой говорил: «Чем ближе человек к Богу, тем более сознает себя грешником.

Пророк Исаия, увидев Бога, назвал себя окаяннным и нечистым (ср.: Ис. 6, 5)».

Он же говорил: «Когда я был юн, думал о себе: может быть, я делаю что-нибудь доброе; а теперь, когда состарился, вижу, что я не имею в себе ни одного доброго дела».

Однажды демоны приступили к авве Арсению в келии и смущали его. Прислужники его пришли к нему и, став вне келии, слышали, как он взывал к Богу и говорил: «Боже! Не оставь меня; я не сделал пред Тобой ничего доброго, но даруй мне по милости Твоей положить начало».

Рассказывали об авве Памво: приближаясь к смерти, в самый час кончины своей, говорил он стоявшим около него святым мужам: «С того времени как, придя в эту пустыню, я построил себе келию и поселился в ней, не помню, чтобы когда-либо ел я иной хлеб, кроме приобретенного моими руками, и никогда не раскаивался в словах, которые говорил я когда-либо даже до сего часа. А теперь отхожу к Богу так, как бы еще не начинал служить Ему».

Рассказывали об авве Сисое: перед смертью аввы, когда сидели около него отцы, лицо его просияло как солнце. И он говорил отцам: «Вот пришел авва Антоний». Немного после опять говорит: «Вот пришел лик пророков». И лицо его заблестало еще светлее. Потом он сказал: «Вот вижу лик апостолов». Свет лица его удвоился, и он с кем-то разговаривал. Тогда старцы стали спрашивать его: «С кем ты, отец, беседуешь?». Он отвечал: «Вот пришли Ангелы взять меня, а я прошу, чтобы на несколько времени оставили меня для покаяния». Старцы сказали ему: «Ты, отец, не имеешь нужды в покаянии». Он отвечал им: «Нет, я уверен, что еще не начинал покаяния». А все знали, что он совершен. Вдруг лицо его опять заблестало подобно солнцу. Все пришли в ужас, а он говорит им: «Смотрите, вот Господь... Он говорит: “Несите ко

Мне избранный сосуд пустыни”», – и тотчас предал дух и был светел как молния. Вся храмина исполнилась благоухания.

Обвиняй себя во всем

Авва Иоанн говорил: «Оставив легкое бремя осуждать самих себя, мы понесли тяжкое – стали оправдывать самих себя».

Авва Пимен говорил со вздохом: «Все добродетели вошли в сей дом, кроме одной, без которой едва ли устоит человек». – «Какая же это добродетель?» – спросили его.

«Самоосуждение», – отвечал старец.

Блаженный архиепископ Феофил посетил некогда гору Нитрийскую. К нему пришел авва горы той. Архиепископ спросил его: «Что нашел ты, отец, лучшего на пути сем?».

Старец отвечал ему: «Постоянное обвинение и осуждение самого себя». А авва Феофил говорит ему: «Нет другого пути, кроме сего».

Авва Пимен говорил: «Мы подвергаемся столь многим искушениям потому, что не сохраняем своих имен и своего чина, как свидетельствует и Писание. Не видим ли, что жена хананейская приняла данное ей имя, и Спаситель утешил ее (см.: Мф. 15, 27–28)?

Также Авигея сказала Давиду: “Во мне неправда моя (см.: 1 Цар. 25, 24)”, – и Давид, выслушав слова, возлюбил ее. Авигея представляет душу, Давид – Бога: если душа обвинит себя пред Богом, Господь возлюбит ее».

Он же повторял следующее изречение блаженного аввы Арсения: «Велико могущество человека, если он обвиняет себя во всех грехах своих пред Господом и ожидает искушения до последнего издыхания».

Еще говорил: «Если человек во всем будет винить самого себя, то везде устоит».

Рассказывали об авве Моисее: когда он был сделан клириком и облекли его в стихарь, архиепископ сказал ему: «Вот ты теперь весь стал белым, авва Моисей (у древних стихарь обыкновенно употреблялся белого цвета)!». Он отвечал: «О если бы, владыко, и изнутри так же, как извне!». Архиепископ, желая испытать авву Моисея, сказал клирикам: «Когда взойдет авва Моисей в алтарь, изгоните его и идите за ним, чтобы услышать, что станет он говорить». Старец вошел; клирики начали поносить его и выгнали, говоря: «Ступай вон, эфиоп!». Старец, выходя, говорил самому себе: «По правде с тобою сделано, чернокожий эфиоп – ты не человек, зачем же ходишь с людьми?».

Три старца, услышав об авве Сисое, пришли к нему, и первый говорит ему: «Как мне избавиться от огненной реки?». Старец не отвечал ему. Второй говорит ему: «Отец! Как мне избавиться от скрежета зубов и червя неусыпающего?». Третий говорил: «Отец! Что мне делать? Меня мучит воспоминание о тьме кромешной?». Авва Сисой сказал им в ответ: «Я не помню ни об одном из сих мучений. Бог милосерд; уповаю, что Он сотворит со мною милость». Старцы, услышав сие, пошли от него со скорбью. Но авва, не желая отпустить их в огорчении, воротил их и сказал: «Блаженны вы, братия! Я позавидовал вам: один из вас говорил об огненной реке, другой о преисподней, третий о тьме. Если душа у вас проникнута таким воспоминанием, то вам невозможно грешить. Что же делать мне, жестокосердному, которому не дано знать, что есть наказание человекам? Оттого я каждый час и согрешаю». Старцы, поклонившись ему, сказали: «Что мы слышали, то и видим».

Один брат сказал авве Феодору Фермейскому: «Я хочу исполнять заповеди». Старец отвечал ему: «И авва Феона также некогда говорил: “Хочу, при помощи Божией, выполнить намерение мое”. Принеся в пекарню муки, он испек из нее хлеба. Когда попросили у него бедные, он отдал им хлеба, когда попросили еще другие, отдал им корзины и одежду, которую носил, и вошел в келию свою лишь опоясанный мафорием; а при всем том он осуждал себя за то, что не исполнил заповеди Божией».

Почитай себя хуже всех.

Авва Нил говорил: «Блажен из людей тот, который почитает себя хуже всех».

Брат говорил авве Сисою: «Я замечаю за собой, что памятование о Боге всегда со мной». Старец отвечал ему на это: «Не важное дело, что ты размышляешь о Боге, но то важно – видеть себя ниже всякой твари. Ибо такое уничтожение и труд телесный приводят к смиренномудрию».

Брат спросил авву Тифоя: «Какой путь ведет к смирению?». Старец отвечал: «Путь к смирению есть воздержание, молитва и признание себя ниже всякой твари».

Авва Пимен сказывал: один брат спросил авву Арсения: «Что значит уничтожать себя?». И старец отвечал: «Ставить себя ниже бессловесных и знать, что они не подлежат осуждению».

Авва Сисой просил авву Ора: «Дай мне наставление». – «Имеешь ли ко мне доверие?» – спросил его авва Ор. «Имею», – отвечал авва Сисой. «Пойди же, – сказал ему авва Ор, – и делай то же, что, как видишь, делаю я». – «Что же вижу я в тебе, отец?» – спросил его авва Сисой. Старец сказал ему: «Я почитаю себя ниже всех людей».

Авва Ор говорил: «Не помышляй в сердце своем против брата своего, не говори: “Я живу воздержаннее и строже его”, а покорись благодати Христовой в духе нищеты и нелицемерной любви, дабы не пасть тебе от тщеславия и не погубить трудов своих. Ибо в Писании сказано: Мняйся стояти да блюдется, да не падет (1 Кор. 10, 12). Будь приправлен солью о Господе».

Авва Пимен говорил: «Если человек достигнет того состояния, о котором сказал Апостол: Вся убо чиста чистым (Тит. 1, 15), то увидит, что сам хуже всякой твари». Брат спрашивает старца: «Как могу думать о себе, что я хуже убийцы?». Старец отвечал: «Если человек дойдет до состояния, указанного Апостолом, и увидит человека, совершившего убийство, то скажет: “Он однажды сделал сей грех, а я убиваю каждый день”».

Брат спросил о том же предмете авву Анувия и пересказал ему слова аввы Пимена. Авва Анувий отвечал: «Если человек дойдет до состояния такой чистоты и увидит грехи брата своего, то праведность его поглотит их». Брат спросил: «В чем праведность его?». Старец отвечал: «Это всегдашнее обвинение самого себя».

Авва Иаков сказывал: «Пришел я однажды к авве Матою и, уходя, сказал ему, что хочу отправиться в Келлии. Авва Матой сказал: “Поклонись от меня авве Иоанну”. Я пришел к авве Иоанну и говорю ему: “Авва Матой тебе кланяется”. Старец говорит мне: “Да, авва Матой воистинну израильтянин, в немже льсти несть (Ин. 1, 47)”. Через год опять пошел я к авве

Матою и передал ему поклон от аввы Иоанна. Старец сказал мне: «Я недостойн приветствия от такого старца». Если услышишь, что какой-нибудь старец почитает ближнего выше себя, то знай, что он достиг уже великого совершенства. Ибо в том-то и состоит совершенство, чтобы предпочитать себе ближнего».

Рассказывали об авве Пимене, что он никогда не хотел давать наставления своего после другого старца, но обыкновенно всячески восхвалял давшего наставление.

Рассказывали старцы, что однажды прислано было в Скит несколько мелких смокв, и их, как ничего не стоящих, не послали к авве Арсению, чтобы он не обиделся. Старец, услышав об этом, не пошел в церковь и сказал: «Вы отлучили меня, лишив благословения, которое Бог послал братьям, и которого я не удостоился получить». Все, услышав о сем, получили пользу от смирения старца. После того пресвитер пошел, отнес ему смоквы и с радостью привел его в церковь.

Брат пришел к авве Матою и спрашивает его: «Почему живущие в Скиту более делают, чем велит Писание, любя врагов своих более, нежели себя?». Авва отвечает ему: «А я и того, кто любит меня, не могу еще любить, как самого себя».

Один брат спросил авву Пимена: «Почему демоны увлекают душу мою к тому, кто выше меня, и заставляют презирать того, кто ниже меня?». Старец отвечает: «Потому, говорит Апостол, что *в велищем же дому не точию сосуди злати и сребряни суть, но и древяни и глиняни... Аще убо кто очистит себе от сих, будет сосуд в честь, освящен и благопотребен Владыце, на всякое дело благое уготован* (ср.: 2 Тим. 2, 20, 21)».

Не хвались успехом в добрых делах и не думай о своем каком-либо достоинстве.

Авва Петр Пионитский говорил: «Не должно превозноситься, ежели Господь чтолибо сделает через нас, но лучше благодарить Его за то, что мы удостоились призвания Его. Полезно так думать при совершении всякого доброго дела».

Авва Ксонфий сказал: «Разбойник был на кресте – и одним словом оправдался; Иуда был в числе апостолов – и в одну ночь погубил весь труд свой и с небес сошел во ад. Посему никто не должен хвалиться успехом в добрых делах. Ибо все уповающие на себя пали».

Авва Антоний говорил: «Я знаю монахов, которые после многих трудов пали и подверглись безумию, потому что понадеялись на свои дела».

Авва Ор говорил: «Если придет к тебе помысл высокоумия и гордости, то испытывай свою совесть, все ли исполнил ты заповеди, любишь ли врагов своих, болезнуешь ли о их несчастьях и почитаешь ли себя рабом непотребным, грешнейшим из всех? Тогда не будешь гордо думать о себе, будто все исполнил. При том знай, что помысл гордости все разрушает».

Авва Пимен говорил: «Не думай о своем достоинстве, а прилепись к человеку, который хорошо живет».

Он же говорил: «Если будешь смиренно думать о себе, то найдешь покой везде, где бы ты ни был».

Рассказывали о матери Сарре: однажды демон блуда сильно восставал против нее, представляя ей суетные предметы мира. Сарра, вооружаясь страхом Божиим и подвигом, никак не уступала ему; и в один день взшла на верх дома своего молиться. Здесь дух блуда явился ей видимым образом и сказал: «Победила ты меня, Сарра!». – «Не я победила тебя, – сказала она, – но Господь мой Христос».

Авва Антоний услышал об одном молодом монахе, что сей сотворил на пути такое чудо: увидев некоторых старцев, которые путешествовали и от пути утомились, он велел диким ослам подойти и на себе нести старцев, пока дойдут до Антония. Старцы рассказали об этом авве Антонию. А он отвечал им: «Монах этот, как мне кажется, есть корабль, полный груза; но не знаю, взойдет ли он в пристань». Спустя несколько времени авва Антоний вдруг начал пла-

кать, рвать на себе волосы и рыдать. Ученики спросили его: «О чем плачешь, авва?». Старец отвечал им: «Сейчас пал великий столп Церкви! – это он говорил о молодом монахе. – Но пойдите сами к нему, – продолжал он, – и посмотрите на случившееся!». Ученики идут и находят монаха сидящим на рогоже и оплакивающим сделанный грех. Увидев учеников старца, монах говорил им: «Скажите старцу, чтоб он умолил Бога дать мне десять дней жизни, и я надеюсь очистить грех свой». Но не прошло и пяти дней, как он скончался.

Один брат жил вне села своего и в продолжение многих лет не входил в село. Он говорил братьям: «Вот уже сколько прошло лет, и я не входил в село, а вы так часто туда ходите». Сказали о нем авве Пимену. Старец отвечал: «Я пошел бы ночью и кругом обошел село, чтобы не тщеславиться мыслью, что не хожу в село».

В одно время пришли к матери Сарре два старца, великие отшельники Пелузские. Отходя от нее, сказали они друг другу: «Поучим старицу смирению». И говорят ей: «Смотри, не превозносись умом твоим и не говори: “Вот и отшельники ходят ко мне – женщине”». Мать Сарра отвечала им: «Я женщина по телу, а не по уму».

Авва Пимен рассказывал об авве Исидоре: «Помыслы говорили ему: “Ты великий человек”. Но Авва Исидор отвечал: “Неужели я подобен авве Антонию? Или я сравнился с аввой Памво или с другими благоугодившими Богу?”. Говоря так, он успокаивался».

Некогда авва Матой отправился из Раифа в страну магдолов. С ним был брат его. Там епископ задержал старца и сделал пресвитером. Однажды в беседе епископ сказал авве: «Прости меня, авва! Знаю, что ты не желал быть пресвитером, но я осмелился это сделать, дабы получить от тебя благословение». Старец сказал ему со смирением: «В сердце у меня было небольшое желание, но вот что меня затрудняет: я должен расстаться с братом своим, а один не могу исполнить всех молитв». Епископ сказал старцу: «Ежели ты знаешь, что он достоин, я рукоположу и его». Авва Матой отвечал: «Достоин ли он, я не знаю.

Одно только знаю, что он лучше меня». Епископ рукоположил и брата его. Но оба они почили, не приступив к престолу для совершения Евхаристии. Старец же говорил: «Верую в Бога, что я не подвергнусь великому осуждению за то, что по рукоположении ни разу не совершил литургии; ибо рукоположение есть достояние людей чистых».

Когда хвалят тебя другие, помышляй о грехах своих и признавай себя недостойным похвал.

Авва Иаков говорил: «Кого хвалят, тот должен помышлять о грехах своих и признавать себя недостойным похвал».

Авва Пимен сказывал: «Некогда старцы сидели за обедом. Авва Алоний стал прислуживать им. Старцы, видя это, похвалили его, но он ничего им не отвечал. После один из них наедине спрашивает его: “Почему ты не отвечал на похвалы старцев?”. Авва Алоний говорит им: “Если бы я отвечал им, то показалось бы, будто я почитаю себя достойным похвалы”».

Однажды по какому-то делу было собрание в Келлиях и авва Евагрий говорил тут. Пресвитер говорит ему: «Мы знаем, авва, что если бы ты жил в своей стране, уже давно бы мог быть епископом и начальником над многими, а теперь ты сидишь здесь, как странник». Авва Евагрий, хотя был тронут сим, не смутился и, кивнув головой, сказал ему: «Точно так, отец! Но *единою глаголах, вторицею не приложу* (Иов. 39, 35)».

Будь молчалив и терпелив.

Брат спросил авву Сисоя: «Что мне делать?». Авва отвечает: «Нужное для тебя дело – совершенное безмолвие и смирение. Ибо в Писании сказано: *блажени вси пребывающии в Нем* (Ис. 30, 18). Тогда ты можешь устоять».

Авва Иоанн спросил: «Кто продал Иосифа?». Один брат отвечал: «Братия его». – «Не братия, – сказал старец, – но смирение его продало его; ибо мог говорить, что он брат их, мог

противоречить; но он молчал и по смирению продал себя. И смирение поставило его в Египте правителем».

Не старайся показывать себя отличным от других.

Авва Матой говорил одному брату: «Где ни будешь жить, иди со всеми наравне, и что делают люди благочестивые, в которых ты уверен, то и сам делай. В том и состоит смирение, чтобы не отличаться от других».

Смирись вполне, отвергнись всего себя – не имей ни своего ума, ни своей воли и действий.

Авва Моисей сказал некогда брату Захарии: «Наставь меня, что мне делать?». Захария, услышав, повергся на землю к ногам его и сказал: «Тебе ли спрашивать меня, отец!». Старец отвечал ему: «Поверь мне, сын мой Захария, я видел Духа Святаго, сходящего на тебя, и это заставляет меня спросить тебя». Тогда Захария снял со своей головы куколь, положил его под ноги и, попирая его, сказал: «Ежели не сокрушится таким образом человек, не может быть воином Христа».

Бойся суда Божия и адских мучений.

Авва Иоанн Колов говорил: «Смиренномудрие и страх Божий выше всех добродетелей».

Авва Пимен говорил: «Человеку так же необходимо иметь смиренномудрие и страх Божий, как необходимо дышать воздухом».

Авва Антоний говорил: «Всегда имей страх Божий пред очами. Помни Того, Кто мертвит и живит (1 Цар. 2, 6)».

Авва Пимен сказывал, что авва Антоний говорил об авве Памво: «Имея страх Божий, он устроил в себе обитель для Духа Божия».

Авва Иаков говорил: «Как светильник, поставленный в темной ложнице, освещает ее, так и страх Божий, когда вселяется в сердце человека, просвещает его и научает всем добродетелям и заповедям Божиим».

Авва Серапион говорил: «Как воины, стоя пред царем своим, не могут уклониться ни вправо, ни влево, так и человек, если стоит пред Богом и каждый час взирает на Него со страхом, не может страшиться своего врага».

Авва Евагрий говорил: «Помни всегда об исходе твоём, не забывая вечного суда – и не будет греха в душе твоей».

Авва Сисой говорил: «Если душа наша проникнута воспоминанием об огненной реке, о преисподней и тьме, скрежете зубов и черве неусыпаемом, то нам невозможно грешить».

Один брат просил авву Аммона: «Скажи мне что-нибудь в наставление». Старец отвечал ему: «Пооди, имей такие мысли, какие имеют преступники, находясь в тюрьме.

Они всегда спрашивают других: “Где судья? Когда он придет?” – и плачут от ожидания.

Так должен и ты непрестанно внимать и обличать душу свою, говоря: “Увы мне! Как я предстану на суд Христов и чем буду оправдываться пред Ним?”. Если всегда будешь так размышлять, можешь спастись».

Авва Агафон сказал: «Человеку должно каждый час размышлять о Суде Божиим».

Авва Илия говорил: «Я боюсь трех событий: когда душа моя будет выходить из тела, когда предстану Богу и когда будет произнесено последнее определение обо мне».

Авва Феофил, архиепископ, приближаясь к смерти говорил: «Блажен ты, авва Арсений, что всегда помнил о сем часе».

Он же говорил: «Какой увидим мы страх и трепет и какую нужду, когда душа будет разлучаться с телом! Тогда придет к нам сильное воинство противных сил, князья тьмы, злобные миродержатели, начальства, власти духа злобы и некоторым образом по праву овладеют душой, представляя ей все грехи, сделанные в ведении и неведении, от юности до конца жизни.

Предстанут ей и обличат все дела ее. Кроме того, каким, ты думаешь, трепетом объята бывает душа в то время, доколе не произнесется над нею приговор и не совершится ее освобождение? Это есть время тесноты ее, пока не узнает она, что будет с ней. Далее лицом к лицу с силами противными стоят Силы Божественные и со своей стороны выставляют благие дела ее. Подумай же, какие трепет и страх мучают душу, находящуюся среди оных сил, пока суд над нею не будет решен Праведным Судией. Если душа окажется достойной, то бесы посрамляются и она восхищается Ангелами. Тогда наконец душа успокаивается и будет жить по Писанию, *яко веселящихся всех жилище в тебе* (Пс. 86, 7). Тогда исполняются слова Писания: *отбеже болезнь и печаль и въздыхание* (Ис. 35, 10). Тогда освободившаяся душа восходит в ту неизглаголанную радость и славу, в которой и водворится. Если же душа будет застигнута в беспечной жизни, то услышит оный ужасный глас: *да возмется нечестивый, да не видит славы Господни* (Ис. 26, 10): тогда постигнет ее день гнева, день скорби, день тьмы и мрака. Преданная во тьму кромешную и осужденная на вечный огонь, она будет терпеть наказание в бесконечные веки. Где будет тогда радость мирская? Где тщеславие? Где роскошь? Где наслаждение? Где хвастовство? Где нега? Где пышность? Где богатство? Где благородие? Где отец? Где мать? Где брат? Кто может избавить от сих мук душу, горящую в огне и терпящую ужасные мучения? Если так, то как свято и благочестиво должно быть наше житие? Какую любовь должны стяжать мы? Какова должна быть наша жизнь? Каково обращение? Какое шествие? Каково должно быть наше прилежание? Какова молитва? Какое постоянство? Ибо *сих чающе*, говорит Апостол, *потщитесь нескверни и непорочни тому обрестися в мире* (2 Пет. 3, 14), чтобы удостоиться нам услышать глас Господа, говорящего: *приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира* (Мф. 25, 34) во веки веков. Аминь».

Брат спросил авву Евпрепия: «Как страх Божий приходит в душу?». Старец отвечал: «Если человек будет иметь смирение, нестяжательность, не будет осуждать, то придет к нему страх Божий».

Авва Пимен рассказывал: «Некто спросил авву Паисия: “Что мне делать со своей душой? Она бесчувственна и не страшится Бога”. Старец отвечал ему: “Пойди, прилепись к человеку, боящемуся Бога: когда сблизишься с ним, он и тебя научит бояться Бога”».

Авва Антоний сказал: «Я уже не боюсь Бога, но люблю Его; ибо любовь вон изгоняет страх».

Никогда не оставляй сердца своего без молитвы, но делай так, чтобы оно всегда просило милости у Бога, ради Христа, славилло и благодарило Его за Его дары.

Для приобретения молитвенного настроения духа и для сохранения сего настроения часто молись молитвой Господней и прочими молитвами Святой Церкви, произнося их со вниманием и благоговением и возбуждая в себе соответственные им чувства.

Авва Нистерой говорил: «Старайся каждый день стоять пред Богом без греха. Молись Богу так, как бы ты был с Ним лицом к лицу. И действительно Он всегда с нами».

Авва одной обители, находящейся в Палестине, доносил блаженному Епифанию, епископу Кипрскому: «Молитвами твоими мы не оставляем правила, но прилежно исполняем его в третий, шестой и девятый час».

В обличение их Епифаний сказал: «Видно, что другие часы дня вы проводите в праздности, без молитвы. А непрестанно должно совершать в сердце своем молитву и псалмопение».

Авва Иперехий говорил: «Живи постоянно умом своим в Царствии Небесном, и ты скоро наследуешь сие Царствие».

Авва Вениамин, умирая, говорил чадам своим: «Вот что делайте, и можете спастись: *Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. О всем благодарите* (1 Сол. 5, 16–18)».

Рассказывали, что авва Ор и авва Феодор всегда успешно начинали дела свои и всегда благодарили Бога.

Однажды пришли к авве Лукию в Еннат монахи из так называемых евхитов. Старец спросил их: «Какое у вас рукоделие?». – «Мы не занимаемся рукоделием, – отвечали они, – но непрестанно молимся, как заповедует Апостол». – «Ужели вы и не едите?» – спросил старец. – «Едим», – отвечали они. – «Кто же молится за вас тогда, когда вы едите?» – сказал им авва. Еще спросил их: – «Вы и не спите?». – «Спим», – отвечали евхиты. «Кто же молится за вас, когда вы спите?» – сказал старец. Евхиты не нашлись, что отвечать на это. Тогда авва отвечал им: «Простите мне, вы не делаете, как говорите. А я вам покажу, что, и занимаясь своим рукоделием, непрестанно молюсь. Размочив немного прутьев, с Богом сажусь я и плету из них веревку, а между тем читаю: *Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое* (Пс. 50, 3). Не молитва ли это?» – спросил старец. – «Молитва», – отвечали евхиты. Старец продолжал: «Проводя целый день в работе и молитве, я зарабатываю около шестнадцати монет. Две из них я подаю за дверь, а остальные употребляю в пищу. Кто примет у меня две монеты, молится за меня, когда ем или сплю; и таким образом, по милости Божией, исполняю непрестанно молитву».

Авва Исидор говорил: «Когда я был молод и жил в своей келии, не определял времени для молитвословия: день и ночь проходили у меня в молитвословии».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.